

Мария Варламова

Диалектика начал возникновения в комментарии
Михаила Пселла (?) на «Физику» Аристотеля*

MARIA VARLAMOVA

THE DIALECTIC OF THE PRINCIPLES OF GENERATION
IN MICHAEL PSELLOS' (?) COMMENTARY ON ARISTOTLE'S *PHYSICS*

АБСТРАКТ. The paper deals with the dialectic of matter, form and privation in Michael Psellos' (?) *Commentary* on the First book of Aristotle's *Physics*, and with the concept of nature in relation to form and matter, which the author considers in his *Commentary* on the Second book of the *Physics*. In the *Commentary*, Psellos distinguishes between different meanings of generation and proposes different ways of considering its principles. First, he discusses the generation from being and from non-being, then separates generation καθ' αὐτό from generation κατὰ συμβησικόν. Further on, following Aristotle, he defines the nature of the prime matter as the first formless substrate of any generation and attends to the duality of matter. Matter as a substrate of generation is a thing, and matter as something deprived of form is nothing. This duality affords Psellos to highlight the third principle of generation, namely, privation, which is the opposite of form. Thus, he considers privation's role in the generation and shows that it is non-being in itself, but that in some sense it could be considered a form. The dialectic of matter, form and privation corresponds to the concept of prime matter, as well as to the notion of *physis* as a *telos* of generation.

KEYWORDS: matter, form, privation, generation, nature, Aristotle's *Physics*, Byzantine philosophy.

© М.Н. Варламова (Санкт-Петербург). boat.mary@gmail.com. Государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 12.1 (2020)

DOI: 10.25985/PI.12.1.08

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 17-03-00329 «Природа и движение в Комментариях на Физику Аристотеля Михаила Пселла. Исследование влияния позднеантичной традиции, взаимосвязи с православным богословием и рецепции в позднейшей перипатетической физике».

«Краткое и точнейшее толкование на *Физику* Аристотеля» (Σύντομος καὶ σαφεστάτη ἐξήγησις εἰς τὴν Φυσικὴν ἀκρόασιν τοῦ Ἀριστοτέλους) — единственный дошедший до нас византийский комментарий на «Физику» Аристотеля. До недавнего времени этот текст атрибутировался Михаилу Пселлу (1018 – ок. 1078)¹, так как почти во всех рукописях в качестве автора обозначен Михаил Пселл², и именно под его авторством текст «Комментария» издал Линос Бенакис в 2008 году³. Годом ранее Пантелис Голицис выпустил статью с аргументами в пользу того, что авторство принадлежит не Пселлу, а Георгию Пахимеру (1242 – ок. 1310), то есть текст этот относится не к XI, а к XIII веку⁴. Бенакис в своем издании ответил на эти аргументы⁵. Тем не менее, авторство «Комментария» сейчас поставлено под сомнение.

Кто такие предполагаемые авторы и зачем этот текст был написан? Михаил Пселл — философ, историк и политический деятель XI века, в 1045–1054 занимал должность ипата философов (ἵπατος τῶν φιλοσόφων) — главы философской кафедры в Константинопольском университете при императоре Константине IX⁶. В качестве философии в Византии в первую очередь преподавалась логика, в меньшей мере — физика и метафизи-

---

¹ Пселла в качестве автора указывали как в XVI веке, когда текст комментария впервые был переведен на латынь, так и в исследованиях начала 2000-х годов, см., например, Jenkins 2006: 142–143; Ierodiakonou 2004: 159.

² Бенакис указывает, что из тринадцати дошедших до нас кодексов на десяти стоит имя Михаила Пселла (Benakis 2008: 5*, n. 7), Голицис приводит данные о четырнадцати манускриптах «Комментария», десять из которых содержат преамбулу, указывающую авторство Пселла, однако он считает, что преамбула была вставлена в этот комментарий позднее (Golitsis 2007: 639, 643–644).

³ Benakis 2008. Ниже (Псевдо-)Пселлов комментарий *In Ph.* цитируется с указанием пагинации по этому изданию Бенакиса

⁴ Golitsis 2007, см. также Golitsis 2012: 110. В своем издании 2008-го года Бенакис отвечает на аргументы Голициса и настаивает на том, что автором является Михаил Пселл, однако в современной исследовательской литературе вопрос об авторстве этого текста остается открытым.

⁵ Benakis 2008: 5*–10*.

⁶ Jenkins 2017: 447.

ка⁷. Пселл занимался аристотелевской логикой, комментировал «Органон» и «Об истолковании» Аристотеля⁸ и ценил Стагири-та как авторитетного логика и физика⁹. Георгий Пахимер — историк и философ периода Палеологов, жил в XIII веке, комментировал Платона (диалог «Парменид») и Аристотеля¹⁰ (трактаты «Никомахова этика», «Метафизика», «Органон», возможно «Физика», «О частях животных», «Метеорологика»), преподавал философию в Константинопольской высшей школе. И Бенакис, и Голицис полагают, что текст этого комментария создавался для обучения студентов — то есть, это не философское исследование и не изложение собственных мыслей автора, а, скорее, разъяснение текста Аристотеля¹¹. Поэтому «Комментарий» весьма лаконичен, близко следует за текстом Аристотеля и содержит множество цитат из «Физики». При всей лаконичности текста автор отчетливо формулирует как основные аристотелевские проблемы и определения, так и собственное понимание его мысли. В своем комментарии автор ссылается на другие сочинения Аристотеля: «Органон», «Категории», «Метафизику», «Никомахову этику», «О душе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологику»¹². Однако, как отмечает Бенакис, в своей работе автор опирается не только на Аристотеля — он знаком и с сочинениями неоплатоников, и с позднеантичной комментаторской традицией, и текст его комментария вряд ли возможно отделить от этой традиции¹³.

---

⁷ См. O'Meara 2017: 171–172; Constantinides 1982: 155.

⁸ Trizio 2017: 405.

⁹ Byden 2013: 169–171.

¹⁰ Trizio 2017: 411.

¹¹ См. Benakis 2008: 25*, 27*, 32*–33*; Benakis 1961: 222–223; Benakis 2013: 264; Golitsis 2007: 663.

¹² Benakis 1961: 231.

¹³ Бенакис пишет о влиянии на Пселла позднеантичной комментаторской традиции, главным образом — комментариев Симпликия и Филопона; кроме того, он отмечает, что язык комментария содержит мало византизмов и близок к языку Аристотеля и античных комментаторов. Тем не менее, Бенакис настаивает, что автор комментария независим от античных комментаторов как в

Возможно, именно пояснительная цель комментария объясняет то, что автор не пытается согласовать текст аристотелевской физики с христианской догматикой. Например, в комментарии на I книгу «Физики» он указывает на Бога как творца природы (*In Ph.* 1.11–12), но вслед за этим рассуждает о невозникшей и неуничтожимой бесформенной первой материи, не пытаясь согласовать христианское учение о творении мира из ничто с античным представлением о возникновении вещей из первой материи, как это делает Филопон¹⁴. Также в комментарии на VIII книгу автор соотносит первый двигатель с Творцом (430.9–21)¹⁵, но не критикует аристотелевское представление о вечности мира и вечности небесного движения¹⁶.

Определение возникновения. Материя, форма, лишенность

В комментарии на I книгу «Физики» Михаил Пселл (?) разъясняет учение Аристотеля о началах возникновения. Многие философы сходились в том, что начала — это противоположности, и с возникновением одного исчезает его противоположность. Аристотель же говорит, что, помимо двух противоположных начал, формы и лишенности, существует третье — материя или подлежащее, как то, о чем предцируются эти противоположности

своих суждениях о тексте Аристотеля, так и в тех примерах, которые он приводит для пояснения этого текста. См. Benakis 1961: 227, 232; Benakis 2013: 264, 349; Benakis 2008, 15*–16*, 29*–31*. О влиянии Симпликия на автора данного комментария говорит и Голицис (Golitsis 2012: 125).

¹⁴ Филопон в XI книге «О вечности мира против Прокла» настаивает на том, что материя, вовсе лишенная формы, не существует вовсе и является лишь пустым именем, тогда как первой материей всякого возникновения является непрерывная трехмерная протяженность. Эта протяженность лишена размера и качеств, и потому может быть названа простой, но, тем не менее, она обладает логосом, и потому может быть сотворена и уничтожена. См. *Phlp. Aet. M.* 9. См. также: Sorabji 2010: 58–60; De Haas 1997: 251–274, 280–290; Wolff 1971: 120–137; Wildberg 1988: 205–219; Варламова 2017а: 466–481.

¹⁵ См. также Варламова 2019: 254–255.

¹⁶ Подобную критику мы также можем найти у Филопона, см. *Simp. In Cael.*; Wildberg 1987; Wildberg 1988: 187–205, 221–233.

(*Ph.* 190b29–191a1). Любое возникновение может быть описано как взаимодействие этих трех начал¹⁷.

Возникновением в I книге «Физики» Аристотель, а вслед за ним и Пселл (?), называет любое изменение, когда одно качество сменяет другое, одна форма сменяет другую (*Ph.* 190b5–9). Итак, что происходит, когда из необразованного возникает образованное? Из лишенности (необразованное) возникает форма (образованность). Однако в этом случае лишенность и форма не сменяют друг друга сами по себе — необходимо что-то, что было необразованным и становится образованным:

Отсюда ясно, что некая природа должна противoleжать противоположностям, чтобы противоположности не воздействовали друг на друга, но переходили друг в друга при изменении этой природы (καὶ δῆλον ἐντεῦθεν ὅτι δεῖ ὑποκεῖσθαι τινὰ φύσιν τοῖς ἐναντίοις, ἵνα μὴ ὑπ' ἀλλήλων τὰ ἐναντία πάσχωσιν, ἀλλὰ τῇ μεταβολῇ ἐκείνης ἀλλάσσωνται ταῦτα εἰς ἄλληλα) (*In Ph.* 52.26–53.2)¹⁸.

Эта природа, о которой говорит Пселл, есть подлежащее, или материя. В случае с образованием — это человек, которому сопутствовала лишенность, а теперь он обрел форму. Это возникновение из лишенности в форму происходит либо в какой-либо из категорий, как изменение по качеству, количеству, месту и времени, либо же в категории сущности (48.20–49.4). Если это возникновение в категории сущности (то есть то, что мы привыкли называть возникновением), его подлежащее до возникновения является иным по сущности. Например, человек возникает из семени. Семя является подлежащим или материей возникновения, и само это подлежащее приобретает не только новое качество или место, но и новую сущностную форму — становится растением, животным или человеком (49.15–19).

Возникновение в категории сущности, то есть возникновение, которое не сказывается о том же самом подлежащем, Пселл назы-

¹⁷ О началах возникновения у Аристотеля см. Bostock 2006: 1–18; Waterlow 1982: 14–20.

¹⁸ Здесь и далее перевод цитируется по Варламова 2017b и Варламова 2018.

вадет простым возникновением (ἀπλῶς γίνεσθαι) (*In Ph.* 48.21–22, 49.20–50.8, 57.16–27), и он приводит пример возникновения человека из семени (57.8–9). А возникновение в других категориях, при котором подлежащее остается, но изменяет свойство, он называет возникновением согласно чему-то (γίνεσθαι τι или γίνεσθαι κατὰ τι, 48.21–24). Но у Пселла есть и более диалектическая трактовка этого различия: простое возникновение — это возникновение формы из лишенности. Так, простым возникновением будет и возникновение человека из не-человека (то есть из семени), и возникновение образованного из не-образованного (46.6–9). То есть простое возникновение — это возникновение сущего из не-сущего. Однако и в случае возникновения в категории сущности, и в случае возникновения в других категориях, существует подлежащее, то есть материя, из которой возникает нечто: «то, из чего» (τὸ ἕκ τίνος γίνεσθαι). Этой материи всегда сопутствует лишенность: Пселл говорит, что она едина с лишенностью по числу, и поэтому «то, из чего» двойственно: с одной стороны, мы можем сказать, что форма возникает из лишенности, с другой — из материи (48.1–13). И в первом случае сущее возникает из не-сущего, а во втором — из сущего, но в обоих случаях подлежащее — материя — остается, приобретая новую форму, а противоположность — лишенность — уничтожается. Так, при становлении человека из семени, уничтожается форма семени, но не материя семени, и возникает форма человека, но не материя человека: материя семени здесь тождественна с материей человека. Итак, материя есть не-сущее по сопутствию (κατὰ συμβηβεκόσ) — постольку, поскольку ей сопутствует лишенность; лишенность же есть не-сущее само по себе (καθ' αὐτό, 55.8–13)¹⁹. И также материя есть сущее само по себе, как подлежащее возникновения, которое остается при изменении противоположностей (55.13–16). Будучи подлежащим, материя всегда уже имеет некоторую форму; например, материя, из которой возникает человек, имеет форму

¹⁹ По поводу смыслов не-сущего у Пселла см. Venakis 2013: 359–360.

семени, и эта форма семени одновременно есть лишенность формы человека (60.6–13, 57.16–58, 18).

Из этой диалектики подлежащего/материи и лишенности как сущего и не-сущего Пселл делает следующие выводы:

1) ничто не возникает из не-сущего самого по себе, но все возникает из уже существующих вещей;

2) о лишенности нельзя говорить вне контекста движения, то есть вне того контекста, где есть превращение противоположностей. Причем это необязательно актуальное движение, но возможность такого движения.

3) лишенность сама в некотором отношении является формой ($\gamma\acute{\alpha}\rho\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \eta\ \sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota\varsigma\ \epsilon\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma\ \lambda\acute{\omega}\varsigma\ \epsilon\sigma\tau\iota$) (*In Ph.* 70.10–11, ср. 47.17–20), поскольку она является некоторой характеристикой. Пусть эта характеристика дается по отношению к какому-либо виду или форме — лишенность противостоит форме — она, тем не менее, дает некоторую определенность, через которую мы знаем подлежащее. Мы можем определить что-то не только как прекрасное, но и как безобразное, и это безобразие будет некоторой формой.

Итак, из лишенности, присущей подлежащему, возникает форма. И тут можно привести следующий пример: человек, который уже стал образованным, лишен шерстяного покрова. Или, может быть, его кожа лишена зеленого цвета. Можем ли мы говорить об этом как о лишенности? — Нет. И здесь мы подходим к теме, важной для автора комментария: любая материя не может измениться в любую форму. Материя и форма являются соотнесенными началами, и эта соотнесенность трактуется как пригодность ($\epsilon\lambda\iota\tau\eta\delta\epsilon\acute{\iota}\omicron\tau\eta\varsigma$)²⁰ материи для какой-либо формы (*In Ph.* 60.10–11, 76.7–10). Эта пригодность определяется целью возникновения и видовой природой, в рамках которой происходит возникновение: форма и материя должны не просто складываться как квази-части сложного сущего, но подходить друг к другу (75.23–76.15), и та мера, насколько материя и форма друг другу подходят, определяется именно природой.

²⁰ О понятии пригодности у Пселла и Симпликия см. Venakis 1963: 219–220.

Возникновение по сопутствию

У Аристотеля в первой книге «Физики» приводится необычный пример: «когда собака родится от лошади» (οἶον εἰ κύων ἐξ ἴπλου γίγνοντο) (*Ph.* 191b20–21). Очевидно, что собака не может родиться от лошади, то есть этот пример кажется абсурдным, и поэтому Росс и Прантль считали, что текст в этом месте испорчен, и дополняли его вставкой: «когда собака родится [от собаки и лошадь] от лошади» (οἶον εἰ κύων [ἐκ κυνός ἢ ἴπλος] ἐξ ἴπλου γίγνοντο)²¹. Однако Филопон, Симпликий, а вслед за ними и Пселл в своих комментариях не считали этот текст испорченным, но рассматривали его как гипотетический пример возникновения по сопутствию (κατὰ συμβηβέκος). Так, если собака родится от собаки, а лошадь от лошади, то речь идет о возникновении καθ' αὐτό — то есть о том, что одна вещь порождает другую вещь согласно своей сущности или природе, когда же речь идет о возникновении собаки из лошади, то это случай возникновения не по природе, но по сопутствию. Однако пример с лошадью и собакой не удовлетворял и комментаторов, и они предлагали рассмотреть другой пример. И здесь я уже цитирую Пселла, который повторяет этот пример вслед за неоплатоническими комментаторами: «и возникнет из головы быка пчела, а из лошади — оса» (γίνεται ἐκ τοῦ εὐκεφαλοῦ τοῦ βοῦς μέλισσα, ὡς ἐξ ἴπλου σφηξ) (*In Ph.* 58.14–16, ср. *Phlp. In Ph.* 179.1–11; *Simp. In Ph.* 239.8–27). Филопон и Симпликий, скорее всего, в свою очередь эту идею возникновения пчелы и осы позаимствовали из поэмы Никандра Колофонского (II в. до н.э.) *Θηριακά*, где тот утверждает, что осы возникают из мертвых тел лошадей, а пчелы — из мертвых тел быков²².

О чем же здесь идет речь? Пселл с помощью этого примера различает, возникновение καθ' αὐτό от возникновения κατὰ συμβηβέκος²³. Так, и лошадь, и пчела — это животные. Возникновение животного из животного (ἐκ ζώου ζῶον) происходит само по

²¹ См. Benakis 2013: 365, n. 191.

²² *Ther.* 741–742, см. F. Overduin 2014: 118.

²³ См. также разбор этого аргумента Пселла у Бенакиса: Benakis 2013: 363–365.

себе: человек сам по себе становится причиной рождения человека, лошадь порождает лошадь и собака — собаку. Однако в этом случае одно животное возникает из другого не само по себе, а по сопутствию, потому что названная в этом примере причинно-следственная связь выходит за рамки вида и рода. А именно, оса возникает из лошади не поскольку это лошадь, и не поскольку это животное, а поскольку это мертвая плоть. Поэтому природа и форма лошади не является ни действующей причиной, ни целью этого возникновения, но лошадь, точнее ее мертвое тело, является лишь материальной причиной возникновения осы. И в этом примере, на мой взгляд, хорошо видна ограничивающая функция природы.

Определение природы как причины возникновения

Перейду к тому, как Пселл определяет природу. Следуя Аристотелю, он определяет природу как «начало движения и покоя в том, чему она присуща первично, сама по себе и не по сопутствию» (ἀρχὴ κινήσεως καὶ ἡρμίας... ἐν ᾧ ὑπάρχει πρῶτως καθ' αὐτὸ καὶ μὴ κατὰ σθμβεβηκός) (*In Ph.* 65.5–7), и указывает, что природой обладают те вещи, которые имеют начало в самих себе и являются сущностями, то есть — подлежащими (65.14–15)²⁴. Поскольку природа есть начало движения, она определяется через причины движения: материю, форму, действующую причину и цель. Во-первых, природой называется материя природного существа (68.8–17)²⁵. Материя — это то, что принимает форму, и то, что может действовать в этой форме. Так, материя кости может действовать как кость, то есть быть частью скелета, материя крови может действовать как кровь, то есть обращаться в теле и пере-

---

²⁴ Здесь Пселл отсылает к определению сущности в первом смысле как «того, что не сказывается о каком-либо подлежащем и не существует в каком-либо подлежащем» (ἢ μήτε καθ' ὑλοκειμένου τινὸς λέγεται, μήτε ἐν ὑλοκειμένῳ τινὶ ἐστίν), но само есть подлежащее. См. *Cat.* 2a12–14.

²⁵ Бенакис считает, что значение материи как подлежащей природы для Пселла наиболее существенно. См. Benakis 1962: 34–36.

носить кислород и питательные вещества, материя камня может действовать как камень — стремиться вниз и охлаждаться²⁶.

Далее, природа — это форма, которая действует в материи (*In Ph.* 68.16–69.3). Важно, что природой может быть названа только та форма, которая пребывает в материи²⁷: «и вид называется природой, если он действительно проявляется в материи» (λέγεται καὶ φύσις τὸ εἶδος, ὡς ἐνεργεῖα ἐμφαινόμενον τῇ ὕλῃ) (68.21–22). Эта форма, или логос, оформляет материю так, что материя получает некую чтойность, в соответствии с которой действует оформленная вещь: кость является костью, потому что она оформлена согласно логосу кости. Но этот логос кости включает не только необходимую форму, но и необходимую материю: кость не может иметь чтойность кости, если она будет сделана из какой-то другой материи. Более наглядно это видно на примере искусственного сущего. Пселл приводит следующий пример: песок не может быть материей веревки, а вода не может быть материей чернил (76.7–9). Водой можно писать на бумаге, а из песка можно сделать что-то, что будет по виду напоминать веревку, но такая веревка не будет соответствовать своей цели: ей нельзя будет ничего закрепить и связать. Также и вода, если ей писать буквы, не будет выполнять ту цель, которую выполняют чернила: написанное не сохранится.

Так, природа определяется как форма и материя природной вещи, но более всего — как цель ее движения и возникновения (*In Ph.* 70.1–5, 74.10–14). Возникновение есть по природе только тогда, когда форма и материя возникновения соотносятся с целью. Поэтому Пселл пишет, что целевая причина в природных сущих

---

²⁶ Аристотель выделяет три типа сложения материи: 1) сложение однородных частей (мясо, кости, кровь) из элементов; 2) сложение тела или частей тела из однородных частей; 3) сложение целого тела из органов и неоднородных частей (*PA* 646a12–30). Каждый вид материи обладает собственной формой, собственными свойствами и движениями.

²⁷ Benakis 1962: 59–60, в т.ч. п. 92: эйдос у Пселла понимается как видовая форма, сущностное определение единичной вещи, причина бытия и движущая причина, которая в природных сущих совпадает с целевой.

соединена с видовой (75.1–6)²⁸. Например, возникновение лошади из семени лошади происходит по природе, и здесь форма и материя лошади соотносятся с общей целью воспроизведения существ своего вида²⁹, а возникновение кости и крови необходимо для их деятельности в живом организме. И опять же, на примере искусственного: мастер сочетает материю и форму так, чтобы искусственная вещь выполняла свою цель: веревка должна связывать, а чернила должны писать. В соответствии с целью мастер задумывает форму и выбирает материю, подходящую для этой формы. Причем мастер, по Пселлу, не только выбирает материю, но и изготавливает саму материю так, чтобы она подходила к искусственной форме (74.20–26, 75.11–21). Например, он изготавливает краски, или же он обрабатывает руду для того, чтобы добыть золото и сделать золотое изделие. Здесь Пселл расширяет понятие о пригодности материи: не только природа делает материю пригодной для формы, как бы собирая эту материю из элементов, но и мастер делает материю пригодной для своего изделия, изготавливая такую материю из материи природных вещей. Взаимодействие формы и материи в искусственном существе также со-

---

²⁸ Пселл различает два значения цели: «То, ради чего двойственно: с одной стороны, оно касается вещи, с другой — [ее] использования» (ἐτεῖ δὲ καὶ διχῶς τὸ οὐ ἕνεκά ἐστι, τὸ μὲν τοῦ πράγματος, τὸ δὲ τοῦ χρημένου) (75.1–2). Скорее всего, в этом различии он следует за Симпликием и Филопоном. Так, Симпликий различает два значения цели: то, ради чего, и то, чем (τὸ τε οὐ καὶ τὸ ὧ); первое значение относится к виду, второе — к применению (*In Ph.* 304.4–10). В искусственных вещах необходимо познавать материю и форму вещи для того, чтобы делать ее пригодной к использованию, тогда как в природных вещах познается не применение вещи, но ее вид, а для познания вида как целевой причины необходимо познание материи, поскольку материя соотносится с видом. Филопон проводит то же различие: природные вещи существуют ради самих себя, и поэтому природный вид — цель этой вещи, а искусственные существуют ради нас, и поэтому их цель — в употреблении. И потому цель имеет два значения: τὸ τε οὐ καὶ τὸ ὧ (*In Ph.* 237.20–21).

²⁹ Согласно Аристотелю, все природные существа воспроизводят себе подобных, поскольку стремятся к вечности. Каждое живое существо не может быть вечным, но через воспроизведение оно стремится к вечности собственного вида. См. *GA* 731b24–732a1.

отнесено с целью, однако цель эта уже не является природной, но принадлежит искусству, а цель искусства находится в использовании. И именно через цель Пселл проводит основное различие между природным и искусственным: природное заключает цель в самой вещи или в виде, а цель искусственного находится вовне: в использовании (75.4–19).

Первая материя

Наконец, перейду к вопросу о первой материи как начале возникновения. Я говорила о том, что материя возникновения — это всегда уже оформленное подлежащее, которое соотносится с возникающей формой в рамках видовой природы или искусственной цели. Однако помимо чувствуемой материи Аристотель вводит первое подлежащее, или первую материю (τὸ πρῶτον ὑποκείμενον или ἡ πρώτη ὕλη) (*Ph.* 192a26–32, *GC* 329a23–31), как начало, лишенное всякой определенности и предшествующее любому возникновению. Пселл не использует термин πρώτη ὕλη, но называет первую материю либо ὑποκείμενη ὕλη (подлежащая материя), либо ἀνείδεος ὕλη (бесформенная материя), указывая, что эта материя является общей для всех вещей³⁰. Общую и бесформенную материю (τῆ κοινῆ καὶ ἀνείδεος ὕλη) (*In Ph.* 49.16) он определяет как первое и общее подлежащее всякого возникновения, которое лишено какой-либо формы и потому способно воспринять любую форму (59.21–22)³¹. К первой материи прилагаются те же определения, что и к определенной материи возникновения: так, она едина с лишенностью по числу, является сущим в

³⁰ Об употреблении ἀνείδεος ὕλη см. Benakis 1962: 45, в т.ч. п. 45.

³¹ Материя лишена формы, поэтому ее нельзя назвать подлежащим в полном смысле, так как подлежащее есть сущность. Пселл говорит, что материя познается по аналогии с подлежащим, через незаконное умозаключение (πὼς νόθῳ λογισμῷ γνωσθεῖν) (49.2–4, 50.8–12). При этом, благодаря способности принять форму, материя близка к сущему и сущности (60.8–11). Ср. Benakis 1962: 37, Бенакис полагает, что материя познается по аналогии с сущностью и не может быть определена сама по себе. См. также Benakis 2013: 357–358; Benakis 1962: 45–46.

возможности сама по себе и не-сущим по совпадению, благодаря лишенности (59.16–23). Поэтому Пселл определяет материю как некую природу (59.16–17), которая вместе с формой становится сопричиной возникновения (60.27–61.5)³².

Итак, материя близка к не-сущему, поскольку не имеет собственной формы или логоса, но при этом она называется природой, поскольку является началом возникновения и включает в себе некоторую реальность, о которой сказываются противоположности. Эта реальность понимается как возможность (δύναμις)³³, а в соотношении с формой — как пригодность (ἐπιτηδείότης) (*In Ph.* 60.10–12). Будучи бесформенной, материя способна принимать любые противоположности, когда же она становится частью природного возникновения как чувствуемая материя, то есть как подлежащее, ее способность принимать форму определяется через пригодность и соотношенность с формой³⁴. Материя как подлежащее может уничтожаться — так, может умереть человек, который становится образованным, как может уничтожиться и семя, так и не ставшее живым существом. Однако уничтожение в данном случае касается не самой материи, но человека и семени как отдельных сущностей и подлежащих возникновения — они уничтожаются и переходят в другую чувствуемую материю, которая также является подлежащим изменения. Сама же материя — как бесформенное начало, а не как эта вот вещь, которая подлечит движению, — не уничтожается и не возникает, но принимает возникновение и уничтожение по сопутствию, то есть поскольку ей присущи противоположности. Поэтому она рассматривается как первое подлежащее, которое существует прежде всякого возникновения и из которого возникают все вещи (61.17–62.5).

---

³² Ср. Benakis 1962: 56–57.

³³ Benakis 1962: 47.

³⁴ Согласно Бенакису, для Пселла не имеет смысла вопрос о том, какая материя называется природой: бесформенная или чувствуемая. Материя в любом случае определяется как начало возникновения, и потому и та, и другая материя определяется как природа (Benakis 1962: 38).

Литература

- Варламова, М. (2017а), “Трехмерность вместо первой материи: сравнение представлений о материи у Аристотеля и Филопона”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.2: 466–481.
- Варламова, М., ред. (2017б), “Мудрейшего и славнейшего Михаила Пселла краткое и точнейшее толкование на «Физику» Аристотеля, книга I, главы 1, 7-9”, пер. Т. Шукина, *ESSE: Философские и теологические исследования* 2.1/2: 458–481.
- Варламова, М., ред. (2018), “Мудрейшего и славнейшего Михаила Пселла краткое и точнейшее толкование на «Физику» Аристотеля, книга II, главы 1–3”, пер. Т. Шукина, *ESSE: Философские и теологические исследования* 3.1: 339–355.
- Варламова, М., ред. (2019), “Мудрейшего и славнейшего Михаила Пселла краткое и точнейшее толкование на «Физику» Аристотеля, книга III, главы 1–3; книга VIII, глава 10”, пер. Т. Шукина и З. Барзах, *ESSE: Философские и теологические исследования* 4.2: 235–255.
- Benakis, L.G. (1961), “Studien zu den Aristoteles-Kommentaren des Michael Psellos. Erster Teil”, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 43.3: 215–238.
- Benakis, L.G. (1962), “Studien zu den Aristoteles-Kommentaren des Michael Psellos. Zweiter Teil”, *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 44.1: 33–61.
- Benakis, L.G. (1963), “Michael Psellos’ Kritik an Aristoteles und seine eigene Lehre zur ‘Physis’- und ‘Materie-Form’- Problematik”, *Byzantinische Zeitschrift* 56.2: 213–227.
- Benakis, L.G. (2008), “Einleitung”, in L.G. Benakis (ed.), *Michael Psellos. Kommentar zur Physik des Aristoteles*, 3*–65*. Athenis: Academia Atheniensis.
- Benakis, L.G. (2013), “Einzeluntersuchung zu dem Kommentar des Michael Psellos über Buch A der *Physik*”, in Id., *Byzantine philosophy B*, 263–396. Athenis: Parousia.
- Benakis, L.G., ed. (2008), *Michael Psellos. Kommentar zur Physik des Aristoteles*. Athenis: Academia Atheniensis.
- Bostock, D. (2006), *Space, Time, Matter and Form. Essays on Aristotle’s Physics*. Oxford University Press.
- Byden, B. (2013), “‘No Prince of Perfection’: Byzantine Anti-Aristotelianism from the Patristic Period to Pletho”, in D. Angelov, M. Saxby (eds.), *Power and Subversion in Byzantium*, 147–176. Aldershot: Ashgate.

- Constantinides, C.N. (1982), *Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries*. Nicosia: Zavalis Press.
- De Haas, Frans A.J. (1997), *John Philoponus' New Definition of Prime Matter*. Leiden: Brill.
- Drossaart Lulofs, H.J., ed. (1965), *Aristotelis de generatione animalium*. Oxford: Clarendon Press.
- Golitsis, P. (2007), "Un commentaire perpétuel de Georges Pachymère à la *Physique* d'Aristote, faussement attribué à Michel Psellos", *Byzantinische Zeitschrift*, 100.2: 637–676.
- Golitsis, P. (2012), "A Byzantine philosopher's devoutness toward God: George Pachymeres' poetic epilogue to his commentary on Aristotle's *Physics*", in B. Byden, K. Ierodiakonou (eds.), *The Many Faces of Byzantine Philosophy*, 109–129. Athens: The Norwegian Institute at Athens.
- Ierodiakonou, K. (2004), "Psellos' Paraphrasis on Aristotle's *De interpretatione*", in Id. (ed.), *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*, 157–183. Oxford University Press.
- Jenkins, D. (2006), "Psellos' Conceptual Precision", in Ch. Barber, D. Jenkins (eds.), *Reading Michael Psellos*, 131–153. Leiden: Brill.
- Jenkins, D. (2017), "Michael Psellos", in A. Kaldellis, N. Siniosoglou (eds.), *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*, 447–462. Cambridge University Press.
- Minio-Paluello, L., ed., (1974), *Aristotelis Categoriae et liber de Interpretatione*. Oxford: Clarendon Press.
- O'Meara, D. (2017), "Conceptions of Science in Byzantium", in A. Kaldellis, N. Siniosoglou (eds.), *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*, 169–182. Cambridge University Press.
- Overduin, F. (2014), *Nicander of Colophon's Theriaca: A Literary Commentary*. Leiden: Brill, 2014.
- Rashed, M. ed., (2005), *Aristote: De la Génération et la corruption*. Texte établi et traduit. Paris: Les Belles Lettres.
- Ross, W.D., ed. (1950), *Aristotelis Physica*. Oxonii: e typographeo Clarendoniano.
- Sorabji, R. (2010), "John Philoponus", in Id. (ed.), *Philoponus and the Rejection of Aristotelian Science. Second edition*, 1–81. University of London.
- Trizio M. (2017) "Reading and Commenting on Aristotle", in A. Kaldellis, N. Siniosoglou (eds.), *The Cambridge Intellectual History of Byzantium*, 397–414. Cambridge University Press.

- Varlamova, M. (2017), “Three-Dimensionality vs. Prime Matter: Comparing the Ideas of Matter in John Philoponus and Aristotle”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.2: 466–481. (In Russian.)
- Waterlow, S. (1982), *Nature, Change and Agency in Aristotle’s Physics*. Oxford: Clarendon Press.
- Wildberg, C., tr. (1987), *Philoponus Against Aristotle on the Eternity of the World*. London: Duckworth.
- Wildberg, C. (1988), *John Philoponus’ Criticism of Aristotle’s Theory of Aether*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Wolff, M. (1971), *Fallgesetz und Massebegriff. Zwei wissenschaftliche Untersuchungen zur Kosmologie des Johannes Philoponus*. Berlin: Walter de Gruyter.